

В ПОИСКАХ НОВОЙ КРАСОТЫ

К 50-летию КАРА КАРАЕВА

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ — много это или мало?

Вполне достаточно, если художник сделал все, что мог, и больше ему нечего сказать слушателю, зрителю, читателю. Такому художнику, владеющему ремеслом, остается в лучшем случае печальный удел самоповторения (бесконечной шлифовки прежних находок).

Пятьдесят лет — это в то же время и мало для подлинного творца, для художника, стремящегося познать мир в его целостности и сложности, в развитии и изменении, единстве и борьбе.

Таков Кара Абульфаз-оглы Караев — народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, ведущий композитор Советского Азербайджана... Для нас самым важным является его стремление всегда искать, умение идти на риск в искусстве. Почерк композитора развивается стремительно, порой неожиданно... Это развитие, контраст его старых и новых работ как бы сфокусировались в программе концерта, состоявшегося недавно в Большом зале Консерватории. Концерт был посвящен юбилею композитора. Никто не скажет о своей музыке лучше, чем сам автор. Вот несколько его высказываний.

«— Если бы время можно было записать нотными знаками, то под разделом XX века стояло бы примерно такое обозначение темпа: «молоть аччелерандо э крещендо» (очень ускоряя и наращивая силу)... Ритм событий мировой истории убыстрается, вовлекая в себя миллионы массы, ставя людей перед необходимостью решения многих комплексов проблем...

— Особенность творчества состоит еще и в том, что художнику

нередко приходится преодолевать самого себя, решительно выходить за рамки, созданные им же. Если музыканты прошлого в самых ранних своих сочинениях могли обозначить или наметить буквы своего алфавита и затем пользоваться ими подолгу, то сейчас, хочешь этого или нет, приходится искать и создавать новый алфавит, новый порядок — обновлять свои средства...

— Художников можно уподобить кораблям: одни выходят в море, широкое, безбрежное, бурное и всегда беспокойно новое, а другие стоят на якоре в тихой гавани, вдали от бурь и опасностей...

Караев не собирается отставать в тихой гавани. Весь его творческий путь подтверждает это. Однако вернемся к юбилейному концерту Кара Караева.

Двумя центральными произведениями этого вечера были его Третья симфония и исполнявшийся впервые Скрипичный концерт.

Безукоризненно была сыграна Третья симфония (Московский камерный оркестр под управлением Рудольфа Барша). Это яркое произведение, насыщенное оstinatными ритмами, воплощает напряженный ритм труда, созидания.

Вслед за симфонией прозвучал новый, недавно законченный Концерт для скрипки с оркестром (Государственный симфонический оркестр Союза ССР под управлением Евгения Светланова, солист Леонид Коган).

Концерт, несомненно, является продолжением тех же поисков новых средств музыкальной выразительности. Только если симфония была причудливо скерцозна — остроты лирики были вкраплены лишь изредка, — то Концерт в целом на-

сит лирический характер. Созерцание, одинокие размышления, философские раздумья — вот основное настроение его двух первых, медленных частей. Контраст вносит лишь короткий финал (включающий небольшую каденцию).

Первая часть доминирует и по значительности музыки, и по времени (девять минут — почти столько же звучит вторая и третья части). Сочинение построено в виде нескольких плавных волн — нарастаний и спадов. Здесь нет никаких ухищрений или внешних эффектов. Очень личный, глубоко интимный голос скрипки постепенно усиливается, накаляется... Музыка становится более напряженной, внутренне, тревожной... И все рассеивается, волна мягко откатывается, чтобы через минуту вновь с грохотом набегать...

Первая часть, как мне кажется, — это современный городской «ноктюрн», одухотворенный пейзаж (кстати, эта таинственная атмосфера недосказанности, многозначительности роднит Концерт Караева с другим noctюрном — из Первого скрипичного концерта Дмитрия Шостаковича).

Вторая часть звучит словно продолжение первой после небольшой остановки и отдыха... Лишь более трагично вступление — дерзанные духовые «намекают» на традиционный ритм похоронного марша. И вновь бесконечный монолог солирующей скрипки, внутренне сдержанный и опять напряженный, словно чего-то ждущий.

Финал концерта напоминает мне марш, шествие, но в этом шествии есть некая театральность, условность: маски то беззаботно изыщны, то страшны, но это только маски...

Одно общее наблюдение. Музыка Третьей симфонии и Концерта для скрипки красива и в своих мягких, убаюкивающих, и в жестких, странных созвучиях. Это красота сложной «остроугольной» прерывистой мелодии, мелодии не кантатно-вокального происхождения, а мелодии «инструментальной». Это, наконец, красота резких контрастов и сложных ассоциаций, ритмической игры, красота рисунка, пластического изгиба линий.

* * *

Судя по его словам, Караев не собирается почивать на лаврах. Вот что он говорит: «Я работаю в музыке очень давно. Можно было бы уже жить спокойно. Но там, где начинается покой, кончается искусство».

Арх. ПЕТРОВ.